

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(570)

DOI: 10.17223/19988613/65/25

Л.И. Шерстова

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МОЗАИКА ГОРНОЙ ШОРИИ

Публикация посвящена оценке новой монографии А.И. Копытова и В.М. Кимеева «Горная Шория: от древней металлургии до современной горнодобывающей промышленности. Исторические очерки». В ней особо отмечается проработанность сюжета о возможности сосуществования элементов традиционной культуры и индустриального общества.

Ключевые слова: Горная Шория; шорцы; «неотрадиционная культура»; горнодобывающая промышленность.

Новое исследование А.И. Копытова и В.М. Кимеева «Горная Шория: от древней металлургии до современной горнодобывающей промышленности. Исторические очерки» (Кемерово : Примула, 2020) [1] является своеобразным продолжением монографии «Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки», вышедшей в 2018 г. [2] Поэтому неудивительно, что присутствуют многие общие сюжеты, но они рассматриваются в несколько иных аспектах. Главная идея монографии заключается в попытках поиска путей для разрешения глобальной проблемы современности – как совместить традиционные культуры, вписанные в природное окружение, и развитие индустрии, которая разрушает этот естественный ландшафт.

Ставится и не менее важная задача сохранения и создания условий для воспроизводства этнокультурного своеобразия Горной Шории с ее древними могильниками и плавильными печами древности и средневековья, с бытующими анимистическими представлениями и легендами о различных природных объектах – реках, горах, скалах, о героях и богатых прошлого с современными горнодобывающими предприятиями, угольными шахтами, металлургическими заводами: как совместить мудрую вечность и суетливую современность...

Исторический путь Горной Шории – это история развития России в миниатюре, это опыт, как позитивный, так и негативный, который отразился в современных проблемах данного региона. Это иллюстрация такой ситуации, при которой нерешенные в прошлом незначительные проблемы или опора в практической деятельности на какие-то идеологические «истины» негативно влияют на реальность. И самое важное – это понимание того, что все исторические процессы не абстрактны – они наполнены человеческими судьбами.

Монография начинается с шокирующей этнолингвистической характеристики Горной Шории – только 3,3% ее коренных жителей свободно говорят на род-

ном языке. Существенно изменилась за последние столетия и демографическая картина – 80% современных шорцев – это жители городов. Такая этносоциальная ситуация складывалась постепенно, получив резкий скачок в XX в.

Коренное население Сибири с момента ее присоединения к Московскому царству составляло органичную часть сибирского социума. Все преобразования – реформы, революции, войны – приводили в движение и сибирских аборигенов. После революции и гражданской войны, с возникновением Комитета содействия народам Сибири и Крайнего Севера в 1924 г., любые социальные или экономические преобразования, хозяйственная деятельность на землях аборигенов должны были получить разрешение этого органа. Сам Комитет и его сотрудники во многом были носителями эволюционистской концепции, но при этом сохраняли в себе глубокую гуманистическую традицию. Поэтому свою главную задачу Комитет видел в том, чтобы как можно безболезненнее привести «отсталые народы к социализму».

Социально-экономические преобразования конца 1920-х – начала 1930-х гг. – коллективизация и индустриализация страны, коснувшиеся и аборигенного населения Сибири, вступили в противоречие с деятельностью Комитета, и он в 1934 г. был ликвидирован.

В этой связи показательна судьба Горно-Шорского района, образованного для национально-территориального устройства тюркоязычного населения верховий Томи – шорцев. Однако, являясь сырьевой базой развития промышленности Кузбасса, этот район становится территорией быстрого роста населения за счет внешней миграции. Если в 1926 г. здесь проживали 24 395 человек, то на 1 января 1931 г. – 51 166 человек, из которых в промышленности вместе с семьями были задействованы 21 397 человек. Следствием развития индустриальной базы Кузбасса стало изменение национального состава Горно-Шорского района – доля шорцев постепенно уменьшалась, что в конечном итоге привело к ликвидации автономии шорцев в 1939 г.

Авторы вышли на очень важный вопрос об истоках советской государственности сибирских народов. В монографии достаточно полно показано национально-территориальное строительство в этом сибирском регионе. Как известно, сразу после Февральской революции национальный вопрос обострился, но в разных регионах он имел свою специфику. В Южной Сибири в 1920-е гг. предпринималась попытка объединить все тюркоязычное население Саяно-Алтайского нагорья (за исключением Тувы) в одну – Ойротскую – автономию, что было следствием выхода за пределы Горного Алтая бурханистских идей о перенесении «своего великого прошлого» – Ойратского (Джунгарского) государства – в новую историческую канву. В монографии подробно описывается ситуация вокруг создания этого «государства».

Авторская позиция, вопреки концепции конструктивизма, которая предполагает «создание нации» в результате активизации этнического самосознания, утверждает другое: несмотря на активность национальной элиты, актуализацию исторического мифа, относительную независимость от центральной власти, этого не произошло. Отсутствие общей консолидации тюрков Южной Сибири, их культурная неоднородность, бытование различных норм традиционной культуры не позволили воплотиться идее Ойротского «государства», в которое вошли бы предки современных алтайцев, хакасов и шорцев. Оптимальным вариантом, как показано в монографии, было образование в 1926 г. на юге бывшего Кузнецкого уезда Горно-Шорского национального района, где и было сосредоточено родственное население.

Можно согласиться с мнением авторов о том, что это событие важным своим следствием имело усилившуюся этническую консолидацию тюрков верхней Томи, распространение и укрепление этнонима «шорцы» как общего для всех местных этнических групп. Однако, как уже отмечалось, этот процесс был прерван в связи с ускорением горнорудного освоения Кузбасса, усилением внешней миграции, аккультурации и ассимиляции. Таким образом, начавшийся в рамках Горно-Шорского автономного района процесс формирования устойчивого шорского этноса был прерван, ускорив его культурную маргинализацию. Из этого следует, что наличие собственной автономии – важное условие сохранения этнокультурной уникальности.

Распространение в 1930–1980-е гг. упрощенного понимания культуры, отсутствие осознания сложности механизмов взаимодействия «человек–природа», «человек–общество», политика нивелирования и унификации культурного разнообразия народов Сибири своим обратным действием создавали ситуацию, при которой не только полностью решались прежние проблемы, но возникали и новые.

Так, создание в 1930–1940-х гг. индустриальной базы на востоке страны привело к тому, что обострился вопрос о сохранении производственных угодий сибирских аборигенов. Кузбасс, Колыма, Норильск, Чукотка и другие районы, где создавалась промышленность, интенсивно осваивались природные ресур-

сы, одновременно были частью территорий, находившихся в распоряжении туземных советов, согласно документам Комитета содействия народам Сибири и Крайнего Севера.

В рамках политики «советизации» усилились этнокультурные процессы, содержание которых было направлено на ликвидацию культурного разнообразия народов Северной Азии. То, что давалось им взамен – система образования, здравоохранения – не могло компенсировать разрушавшейся системы жизнеобеспечения.

Нужно отметить, что в 1930–1950 гг. политика советского руководства по отношению к сибирским аборигенам не противоречила тем немногочисленным международным документам, которые касались традиционных культур. В 1956 г. ООН была принята Конвенция, суть которой заключалась в скорейшей интеграции коренных народов в современное индустриальное общество. Более того, советские правовые акты, касавшиеся народов советского государства, все-таки во многом были более прогрессивными, чем законодательство западных стран. Народы СССР, независимо от национальной, расовой и культурной принадлежности, имели равные права, могли развивать свой национальный язык и культуру, что было зафиксировано в Конституции СССР 1936 г.

Чтобы понять, что потеряли шорцы, да и другие народы Горной Шории, нужно погрузиться в ту эмоциональную атмосферу, которую приобретает монография, когда авторы, описывая разнообразный ландшафт, приводят многочисленные легенды о реках и горах, скалах и пещерах. В этом, безусловно, нашла отражение длительная полевая работа по сбору этнографического материала, которой занимался В.М. Кимеев. Но вопрос в том, насколько это понятно и близко современным шорцам, не знающим своего языка и в основной своей массе не желающим его изучать из-за узости социальной сферы его применения... И это вопрос дальнейшего существования шорцев как самостоятельного этноса. Но истории известны и примеры, когда забытый язык мог возродиться на волне мощного национального подъема, как это было в Израиле или Ирландии.

Интересным для научного изучения является вопрос о том, насколько «городские шорцы» смогут, выезжая из городов к священным местам для проведения обрядов, сохранить и передать потомкам историческую память, тем более что последняя подвержена мощному конструированию. В результате проводятся, как отмечают авторы, «неотрадиционные мероприятия», на которых «изобретаются» или вносятся традиции, принадлежащие другим народам. В этой связи следует отметить, что В.М. Кимееву как профессиональному этнографу не составило труда выделить этот «неотрадиционный комплекс», в частности его атрибутику – коновязь, ленточки-чалама, обо. Важно отметить и то, что только часть предложенных национальной элитой праздников более или менее вошла в праздничную культуру шорцев. Интересно будет следующим поколениям этнографов наблюдать, насколько эти новации станут традицией или уйдут вместе со своими создателями.

Следует подчеркнуть, что и традиционная, и современная культура воспринимают новации, но механизмы их внесения разные [3]. В традиционных культурах они становятся частью импровизации и должны совместиться с привычностью обряда или мифа. Конструирование же опирается на другое – чтобы стать фактом культуры народа, ему нужно уничтожить традицию и заменить ее новацией, которая не проверяется опытом народа.

Важным фактором сохранения и поддержания этничности, как верно считают авторы, является организация Шорского национального парка, на территории которого расположены как культурные, так и природные достопримечательности (г. Таштагол), музейного комплекса Тазгол (пос. Усть-Анзас), а также деятельность музеев в городах Мыски и Новокузнецк. В монографии подчеркивается, что это не просто музеи, это музеи, тесно связанные с природной средой, в которых история шорцев и история их земли переплетены – экомuzeи. Поэтому совершенно логичным продолжением являются те разделы монографии, которые посвящены изучению природных богатств горной Шории и их разработке. Нужно понимать, что за каждым геологическим открытием, трудом в шахтах и рудниках также стоят судьбы людей, деятельность которых стала частью истории Горной Шории.

Хотя о природных богатствах верховий Томи науке стало известно еще в 1721 г. благодаря экспедиции Д.Г. Мессершмидта, их планомерное освоение приходится на советский период в связи с созданием индустриальной базы в Сибири. Особую роль в этом процессе сыграли томские геологи, и прежде всего М.А. Усов и его ученики. Совсем еще молодые люди, часто студенты, они отправлялись в геологические и топографические экспедиции, имея минимальное оборудование, слабое знание местных условий. Не нужно думать, что природные богатства лежали «на поверх-

ности», а маршруты были легкими прогулками. Они испытывали множество трудностей, но благодаря их труду Горная Шория приобретала новые черты, а их профессиональная культура дополняла ее этнокультурную мозаику.

Развитие современной горнорудной промышленности тесно связано с одним из видов хозяйства местного населения – не случайно в XVII в. и позже эту территорию в русских документах называли «Кузнецкой землицей». Но тогда русские мало воспользовались опытом и знаниями местного населения по металлообработке. И самая важная причина этого, помимо указанных авторами, заключалась в том, что русские власти не были заинтересованы в ее развитии, так как ясак железом могли получать не только они, но и их противники в Южной Сибири – енисейские киргизы и джунгары.

Отсюда и стремление переориентировать местное хозяйство в «пушном направлении», и запреты на сдачу ясака железными предметами. Никакой конкуренции с русскими кузнецами не было. Согласно русским документам даже середины XVIII в., их катастрофически не хватало в русских селениях и уездах. А тем временем уже в начале этого века облик культуры «кузнецких людей» все более архаизировался под влиянием специализированной пушной охоты, и в начале XX в. их уже описывали как типичных охотников тайги.

Следует заметить, что, как и предыдущее издание, новая монография имеет множество иллюстраций, фотографий, рисунков, схем, что, безусловно, обогащает текст и усиливает крайне благоприятное от нее впечатление. Это издание представляет интерес не только для исследователей Горной Шории, но и для всей Сибири, благодаря полноте источниковой базы и многочисленной литературы, использованной при ее написании, но прежде всего благодаря глубине поставленных в ней вопросов и проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копытова А.И., Кимеев В.М. Горная Шория: от древней металлургии до современной горнодобывающей промышленности. Исторические очерки. Кемерово : Примула, 2020. 440 с., 24 с. цв. вкл.
2. Кимеев В.М., Копытов А.И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки. Кемерово : Примула, 2018. 600, 24 с.
3. Кулемзин В.М. От бересты к пластмассе // Записки этнографа. Жизнь прожить – не поле перейти. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2017. С. 21–54.

Lyudmila I. Sherstova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova58@mail.ru

MOUNTAIN SHORIYA ETHNOCULTURAL PATCHWORK

Keywords: Mountain Shoriya, Shorians, “neotraditional culture”, mining industry.

Review of monograph “Mountain Shoriya: from ancient metallurgy to modern mining industry. Historical sketches” (Published by Primula, 2020) by A. I. Kopytov and V. M. Kimeyev. The review states, that the monograph profoundly researches issue of traditional culture elements and industrial community’s coexistence. The book reveals mechanisms of actualization of traditional culture of Siberian indigenous people, Shorians. The monograph looks carefully on ways of neotraditional reconstruction of ethnic culture, the depth of its penetration into Shorian society, researches role of city-based ethnic elites in its creation. Research shows historical connections between ancient ways of mining in the territory and modern development of Kuzbass and explains the place of industrial society in ethnic patchwork of Mountain Shoriya.

REFERENCES

1. Kopytova, A.I. & Kimeev, V.M. (2020) *Gornaya Shoriya: ot drevney metallurgii do sovremennoy gornodobyvayushchey promyshlennosti. Istoricheskie ocherki* [Mountainous Shoria: from ancient metallurgy to modern mining. Historical essays]. Kemerovo: Primula.
2. Kimeev, V.M. & Kopytov, A.I. (2018) *Gornaya Shoriya: istoriya i sovremennost'. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Mountainous Shoriya: History and Modernity. Historical and Ethnographic Essays]. Kemerovo: Primula.
3. Kulemzin, V.M. (2017) *Zapiski etnografa. Zhizn' prozhit' – ne pole pereyti* [Notes of an ethnographer. Living life is not like crossing a meadow]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 21–54.